

УДК 793.38
ББК 63.3(2)5-752.5 + 85.325.6
DOI 10.25281/2072-3156-2024-21-1-102-111

А.С. ЧЕРТКОВ

ГРИБОЕДОВСКИЙ БАЛ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ БАЛЬНЫХ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Алексей Сергеевич Чертков,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
кафедра рекламы и человеческих ресурсов,
заведующий кафедрой
2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
Москва, 115432, Россия

кандидат исторических наук
ORCID 0009-0004-9990-2887; SPIN 8179-3764
alexchertkov@list.ru

Реферат. В статье рассматривается бальная танцевальная практика, свойственная культуре русского общества начала XVIII — XIX века. Бальная традиция представляет собой «полифункциональный социокультурный феномен», реализующий важные функции культуры, активизирующий процесс эстетического и этического воспитания личности, вовлеченной в исторические бальные события. Историческая бальная культура — одна из форм социокультурной практики дворянства, участвовавшего в танцевальных торжествах согласно установленному бальному конструкту, имеющему церемониальную форму и свою эстетическую стилистику. Одним из основных побудительных мотивов увлечения балами было стремление части образованного дворянства к собственной социализации внутри сословия. Период расцвета бальной танцевальной традиции пришелся на вторую половину XVIII — первую половину XIX века. После проведения императорского придворного бала в 1904 г. в Зимнем дворце Санкт-Петербурга традиция данного вида торжеств была прервана. В 1980-х — начале 1990-х гг. усилиями энтузиастов-реконструкторов бальные танцевальные программы начали возрождаться. В современной России сложился институт клубов исторических бальных танцев, постепенно формируется институциональная среда субъектов, занятых изучением и пропагандой бальных исторических традиций.

Для бальной культуры характерен целый спектр развивающих функций, способствующих формированию социально адаптированной личности. Автор предлагает дополнить коммуникативно-маркетинговую группу функций, свойственную возрождающимся историческим бальным традициям, функцией социальной мифологизации. В доказательство данного тезиса определяются свойства бальной культуры как социального мифа, который обладает рациональностью (сознательностью), концептуальной разработанностью (церемониальностью), эстетической направленностью, наличием интенции, коммуникационной, презентационной или маркетинговой целями у вовлеченных в нее групп людей.

Символический опыт реконструкторов по воссозданию исторических танцев носит во многом мифологемный характер, привлекательный для части современной молодежи и взрослого населения. Увлеченные под руководством опытных хореографов бальной культурой, они создают запоминающиеся эстетические бальные символы, вовлекая в данный процесс меценатов и своих сторонников. Грибоедовские бальные программы исторического танца являются частью рассматриваемой в статье институциональной среды, соответствуют стилистике дворянской эпохи, имеют церемониально-развлекательный контекст и способствуют популяризации культурного наследия великого русского драматурга и дипломата А.С. Грибоедова.

Ключевые слова: бальные традиции, дворянская культура, исторические танцы, А.С. Грибоедов, «Горе от ума», Грибоедовский бал, социальная мифологизация, исторические реконструкции, социокультурный феномен, бальный этикет.

Для цитирования: Чертков А.С. Грибоедовский бал в системе исторических бальных танцевальных традиций // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21, № 1. С. 102–111. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-1-102-111.

Бальные танцевальные традиции восходят к достопамятным петровским временам, когда набирал силы процесс европеизации русской культуры. Образцом для подражания являлся институт придворных императорских балов. Ориентируясь на великосветские образцы, высокопоставленные вельможи проводили собственные танцевальные торжества. По мере вовлечения в свою орбиту знатных поклонников бальные программы становятся заметным феноменом дворянской культурной среды.

БАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ДНЕВНИКАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мемуарные источники — дневники, воспоминания, письма — содержат значительный объем свидетельств российских и зарубежных завсегдатаев светских балов, рассказывающих о нюансах императорских и дворянских званных культурных событий. Исторические очерки В.О. Михневича «Исторические этюды русской жизни» (1879) [1] и С.Н. Шубинского «Первые балы в России» (1911) [2] дают представление о бальной практике петровских ас-

самблей XVIII в., балах времен царствования Екатерины II и правления Павла I.

После петровских ассамблей устраиваемые танцевальные мероприятия стали называться балами. При императрице Елизавете Петровне проводилось больше балов в форме маскарадов, в период царствования Екатерины Алексеевны на них уже допускались представители недворянских сословий, в том числе купечество. Вельможи при Екатерине II устраивали балы, не уступающие императорским.

Балы и маскарады времен военных баталий, в которых участвовала страна, отличались привлечением в них патриотического и благотворительного контекста. В середине XIX в. популярными становятся балы и маскарады в пользу нуждающихся и военных инвалидов, получивших увечья в ходе русско-турецких войн, Крымской военной кампании. Последний придворный бал в Российской империи состоялся 19 января 1904 г. в большом Николаевском зале Зимнего дворца Санкт-Петербурга.

Тематический разброс в вопросе определения форматов бальной культуры императорской России нашел отражение в формулировках основных лингвистических словарных собраний русского языка. Так, словарь В.И. Даля толкует бал как «съезд, вечернее собрание обоего пола для пляски. *Костюмированный б., Б.-маскарад*» [3, с. 110], словарь С.И. Ожегова — как «большой танцевальный вечер. *Костюмированный б.*» [4, с. 35], словарь Д.Н. Ушакова — как «вечер с танцами под музыку. *Бал-маскарад*» [5, с. 28]. Вместе с тем бал как социокультурное явление подразумевал не только «собрание для пляски» или «вечер с танцами», а являл собой целостный конструкт пространственно-временных координат торжества, выстроенный согласно выработанному светской практикой хронотопу.

В исследованиях Ю.М. Лотмана [6], О.Ю. Захаровой [7], И.В. Ефремовой [8], А.В. Колесниковой [9], А.В. Леоновичус [10] и других ученых бальная культура представлена как одна из форм социокультурной практики российского дворянского общества XVIII — начала XX века. В статье Е.Л. Антоновой, В.Г. Туркиной приводятся примеры моделей сословного дворянского поведения, относящихся к бальному «нормативно-ритуализированному образу жизни» [11, с. 89], во многом заимствованному из европейской культуры. Бал «как наиболее привлекательная практика» культуры повседневности российского общества рассмотрен в работах Л.В. Беловинского [12], Е.А. Никитиной [13].

Основываясь на сущностно-содержательных характеристиках торжества, И.В. Ефремова определила типологию балов, включающую формы их

проведения и сословно-социальные параметры. Для двух основных типов балов — традиционных и маскарадных (костюмированных) — исследователем были выделены моносословные и полисословные виды балов: аристократические, публичные, придворные, партикулярные, буржуазные и др. [8, с. 19–20]. По прошествии времени каждое направление балльной культуры эволюционировало, дополняя или перераспределяя во внутреннем конструкте торжества свои ценностные свойства.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ БАЛЬНОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Российская балльная танцевальная культура имеет давние традиции. В начале XVIII в. «танец стал значимым элементом государственной культурной политики», — говорится в статье М.А. Алякринской, изучавшей проблему становления светского танца в России [14, с. 203]. Значительное влияние на увлечение балами большей части дворянства оказало стремление светских кругов к собственной социализации внутри сословия, совпавшие по времени процессы женского образования и повышения культурного уровня мужской части дворян, воспитанных в духе лучших воинских традиций.

«Внутренняя организация бала делалась задачей исключительной культурной важности, так как была призвана дать формы общению “кавалеров” и “дам”, определить тип социального поведения внутри дворянской культуры. Это повлекло за собой ритуализацию бала, создание строгой последовательности частей, выделение устойчивых и обязательных элементов, — так описывал значение и конструкцию балльной программы Ю.М. Лотман. — Возникла грамматика бала, а сам он складывался в некоторое целостное театрализованное представление, в котором каждому элементу (от входа в залу до разъезда) соответствовали типовые эмоции, фиксированные значения, стили поведения. Однако строгий ритуал, приближавший бал к параду, делал тем более значимыми возможные отступления, “балльные вольности”, которые композиционно возрастали к его финалу, строя бал как борец “порядка” и “свободы”» [6, с. 92]. Приверженность балльным канонам, выработанной практикой императорских торжеств, в дворянском исполнении зачастую не соблюдалась, образуя вольные трактовки ритуальной практики.

Проведение светского мероприятия, а бала в особенности, требовало серьезных организационных усилий как в стародавние времена, так и в наши дни. Во многом успех бала зависит от

подготовительного периода и общего культурного уровня участвующих в танцевальном действе. В 30-х гг. XVIII в. в двух столицах стал складываться особенный тип русской образованной женщины, которая преодолела многовековую «ущербность», «вторичность» по сравнению с мужчинами. Женской гендерной социализации способствовали русский театр и литература, явившие патриархальному обществу образы женщин с независимым поведением, твердым характером и живым умом. Отсутствие коммуникативных пространств, предназначенных для светского общения и проявления эмансипированности женщин дворянского звания, также говорит о пользе балов в качестве социокультурной практики, проявления дворянской воспитанности, соответствующей представлению о данном привилегированном сословии.

История балльной культуры переживала как бурный расцвет и увлеченность балами дворянского общества, так и нисходящие периоды, когда светское общение становилось большей ценностью, нежели вальсирование в такт различным музыкальным размерам. В такие годы для мужской половины великосветского общества балльная практика как одна из форм праздничного торжества уступала место интеллектуальному общению в рамках групповых интересов.

Неверно считать, опираясь на тексты литературных произведений и воспоминания современников, что увлеченность балльной культурой даже в период ее расцвета (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) охватила подавляющее число представителей дворянского сословия. Истинной целью этого социального мифа, созданного в советское время, было желание воспитать в пролетарской среде неприятие к праздному проведению жизни классовыми оппонентами.

БАЛ КАК ПРАЗДНИК: ОТ ЗАБВЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Бал как праздник — явление петровских ассамблей, борец «порядка» и «свободы» (по Лотману), когда выработанные веками балльные ритуалы оказываются в забвении под напором непосвященных слоев общества, желающих вкушать запретный плод светскости, и ломаются заведенные церемониальные порядки. В празднике балное действо сужается до размера танцплощадки, сопровождаемое чуть ли не ярмарочным весельем, оно становится сродни эмпановскому гульбищу — пиру во время чумы. Когда «свобода» в балльной программе превалирует над «порядком», исчезает таинство бала, его полифунк-

циональный социокультурный феномен. В таком случае ни о каком процессе культурно-эстетического, интеллектуального воспитания личности участников светских раутов речи быть не может. Бал в его классическом понимании — это явление индивидуально-коллективного порядка, тогда как «бал как праздник» — массовое действие, нивелирующее качественные возможности бальной традиции в культивировании у участников торжеств особых навыков танцевально-церемониальной культуры.

В советский период традиции исторических балов были преданы забвению. Культура маскарадов была подменена школьными выпускными и новогодними представлениями, для торжественности именуемыми «балами». Ситуация на короткое время изменилась к лучшему в 1960–1970-е гг., названные «хрущевской оттепелью». Сформированная в это время «отечественная бальная программа» позволила восстановить хореографию, проводить конкурсы по бальным танцам, ориентироваться на лучшие образцы отечественной и европейской танцевальной культуры.

Реконструкции событий прошлого, знаковых литературных произведений (например, Пушкинский бал в честь А.С. Пушкина) в 1980-х — начале 1990-х гг., предпринятые энтузиастами-реконструкторами, позволили вновь вернуться к изучению бальных танцевальных традиций и стали воплощаться в дворцовых интерьерах, высвободившихся старинных пространствах: дворянских усадьбах, особняках, музеях, библиотеках. Активное развитие получила клубная культура, объединившая любителей и профессионалов-хореографов, обучающихся искусству исторического танца.

Сформировавшийся институт клубов исторических бальных танцев позволил проводить в регионах страны балы-реконструкции силами самих участников. Известными стали объединения бальных исторических реконструкторов: столичные клубы и студии «Русский бал», «Золотой клуб», «Бал тысячелетия», «Ан-гаже», «Бал в русской усадьбе», «Возрождение», «Трианон», «Культура мира»; региональные — «Вилланелла», «Альвеарэ» и др. Анонсы предстоящих мероприятий такие клубы публикуют в социальных сетях и на доступном интернет-ресурсе «Календарь балов» (<http://kogda-bal.ru>).

В современной России постепенно формируется институциональная среда субъектов, занятых изучением и пропагандой бальных исторических традиций. Создана международная Ассоциация исторического танца (сообщество студий, исследователей и преподавателей, изучающих бальную культуру прошлых эпох), Ассоциация исторического и социального танца (популяризация и развитие движения исторических танцев, организация

соревнований по бальным танцам в Российской Федерации); действуют клубы и студии исторического бального танца. На кафедрах ряда вузов страны готовят хореографов, специализирующихся в том числе на исследовании и систематизации знаний о танцевальной бальной культуре XVI–XIX веков. Проводятся фестиваль исторического танца, событийные балы дворянских собраний, историко-культурных сообществ в регионах страны. До недавнего времени в Москве осуществлялась грандиозная бальная программа «Венский бал», «Кремлевский церемониальный бал» и др.

Следует отметить, что не каждый бал в современной России отвечает заявленным целям и служит образцом, на который следует равняться. Тем не менее каждая из представленных институций способствует распространению знаний о бальной традиции, увеличению последователей из числа российских любителей бальных танцевальных программ, сохранению исторического наследия бальной хореографии.

БАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ

Рассматривая бал как «полифункциональный социокультурный феномен, в рамках которого происходит активный процесс эстетического, этического и интеллектуального воспитания личности», заведующая кафедрой режиссуры эстрады Белорусского госуниверситета культуры и искусств И.В. Ефремова подчеркивает «значение бальной практики как показательного социокультурного явления и особого общественного механизма, который трудно переоценить» [15, с. 230]. Для бальной культуры, по мнению исследователя, характерны социально-адаптивная, интегративная, гносеологическая, инкультурационная, игровая, коммуникативно-информационная, презентационная, самоидентификационная, аксиологическая, образовательно-воспитательная, регулирующая, знаковая, матримониальная, рекреативная, эстетико-гедонистическая и гуманистическая функции. Автор настаивает на равнозначности предложенных функций в процессе формирования культурной и социально адаптированной личности.

В свою очередь, группу коммуникативно-маркетинговых функций, включающую предложенные И.В. Ефремовой коммуникативно-информационную, презентационную и самоидентификационную составляющие, по нашему мнению, необходимо дополнить функцией социальной мифологизации.

Социальный миф, с точки зрения автора концепции «потребностной мифологии» А.В. Ульяновского, — «это управляющее представление

рассудка человека, потенцированное симулякрами имманентного либо трансцендентного единично-личного характера, порожденными социальными отношениями» [16, с. 137–150]. При этом ученый подчеркивает отличие социального мифа (присутствие интенции, цели) от симулякра, который характеризуется «заменой реального знаками реального». «Социальный миф — это возможная коннотация симулякра» [17, с. 65–67]. Социальная мифология, как устойчивое воспроизводство человеческих представлений о желаемых картинах бытия, стимулирует возникновение в обществе традиций. Потребностная мифология способствует формулированию интеллектуальной элитой гуманитарных смыслов современного общества на основе анализа событий прошлого.

На коммуникативную и символическую природу культуры обращал внимание в свое время Ю.М. Лотман, причем ученый обосновывал свои выводы на анализе не только простейших символов, но и сложной символики, например обрядов, «сопровождающих человечество на всем протяжении его многотысячелетней истории» [6, с. 8]. Функцию природной «историчности культуры» с позиций отношения настоящего к прошлому Ю.М. Лотман рассматривал в том числе и с помощью сконструированной «некоей мифологии» [6, с. 13]. Следовательно, по-лотмановски, можно «видеть историю в зеркале быта», наделяя ее культурные особенности, к которым относится бальная традиция, «единством стиля», а носителей его — принадлежностью к «единому художественному и культурному пласту».

Кто же является творцом бальной традиции как социального мифа, наделяя его полифункциональными социокультурными свойствами? Прежде всего бал в его историческом контексте — это часть элитарной (дворянской) субкультуры российского общества, заимствованная у Запада и адаптированная к национальным традициям культуры поведения высшего света. Дворянские балы следует рассматривать как способ заполнения досуга и решения коммуникационных задач в процессе церемониального действия, поддерживаемого во времени воссоздаваемыми функциями социальной мифологии.

«Творцами» бала как социального мифа являются свидетельства прошлого, в рамках которого эта традиция проявилась как устойчивый элемент культурного наследия определенной части общества. Участники бальных торжеств, их организаторы во все времена находили способы распространения информации о них по различным коммуникационным и маркетинговым каналам, что способствовало продвижению идеи-мифа о балах.

В современном мире такими творцами, способствующими мифологизации бальной тра-

диции, являются деятели сферы культуры и искусства, профессионально или на любительском уровне увлеченные пропагандой бальных танцевальных традиций, хореографы, меценаты, желающие приобщиться к данному культурно-историческому пласту дворянской культуры.

Доказательством наличия социальной мифологизации балов как культурной функции является современное устойчивое воспроизводство этой досуговой традиции, осуществляемое различными социальными сообществами людей добровольно, без каких-либо побуждающих решений со стороны государственных и общественных институтов. Бальная культура как социальный миф в современном обществе обладает устойчивым свойством рациональности (сознательности), концептуальной разработанностью (церемониальностью), эстетической направленностью, наличием интенции, коммуникационной, презентационной или маркетинговой целей у вовлеченных в нее групп людей. Современному образованному индивиду необходимы концепции, фиксирующие его статус в социальном пространстве, часть людей находит их в занятии бальными историческими танцами как ступени к последующей социализации на балах-торжествах, которые служат подведением промежуточных итогов работы над собой, повышающих самооценку, мотивацию и общественное признание.

Другой стороной мифологизации бальной традиции является эмуляционный характер танцевального действия, в основу которого положены элементы культуры разных стран и народов, воплощенные как в церемониальной составляющей бала, так и в исторической танцевальной программе. Бал относится к проявленным социальным мифам, существующим в локальной социокультурной реальности. В отличие от мифов не проявленных, носители бальной культуры сохранили о себе значительную структурную информацию и продолжают оставаться верифицированной частью современного социокультурного пространства. Неугасаемый интерес к воспроизводству бального исторического танца как одного из ярких свидетельств феодальной эпохи подтверждает влияние социальной мифологии на указанные процессы в среде его нынешних поклонников.

Реконструкция исторических бальных торжеств сегодня происходит по архивным, литературным, хореографическим документам и произведениям, многие из которых не являются эталонными источниками. Во многом воссоздающие бальные события прошлого культурологи, историки, хореографы полагаются на свой опыт и следуют наитию. Оттолкнувшись от чисто подвижнической, популяризаторской деятельности, меценаты и участники бальных исторических торжеств неизбежно приходят к поиску источни-

ков финансирования, которое придает данному бальному институту требуемую его статусу эстетико-гедонистическую адаптацию. Впрочем, денежная сторона вопроса была актуальна и для организаторов балов в конце XIX — начале XX века. В тот период устройство бальных программ, по мнению А.М. Сосновской и В.В. Маслеевой, служило «средством зарабатывания и привлечения денег, центрами развлечения и анимации, — балы становятся площадкой и субъектом PR-деятельности» [18, с. 180]. Одной из причин коммерциализации этих занятий следует считать открытость балов для недворянских сословий.

Современные маркетинговые механизмы построения брендов определяют движение субъектов институциональной среды бальных танцевальных программ в сторону коммерциализации их деятельности, потребительской культуры, являющейся основой экономики впечатлений. В предложенных обстоятельствах становится востребованным мифологемный, символический опыт реконструкторов и участников бальных программ, который на основе представлений о прошлом создает привлекательные эстетические бальные символы для не вовлеченных в процесс меценатов и потенциальных сторонников. Участникам исторических бальных программ свойствен здоровый индивидуализм. Обладая опытом реконструкции балов, они получают возможность коммуницировать со значительным количеством акторов, транслировать информацию о мероприятиях через социальные сети на большую аудиторию и постепенно сами становятся частью социального мифа (живущей в нем) об успешности и полезности имперской, дворянской танцевальной культурной традиции.

Приобретая дополнительные компетенции, освоенные в ходе танцевальных практик, наполняя танцевальные торжества мифологемным смыслом, почерпнутым в эстетике высокой дворянской культуры, реконструкторы успешно самоорганизуются в бизнес-сообщества, разрабатывают креативные проекты, воплощая задуманные программы в клубах, студиях, на фестивалях исторического бального искусства.

ГРИБОЕДОВСКИЕ БАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ

Описанный в литературных произведениях первой половины XIX в. бал является тем культурным, развивающим замысловатые сюжетные линии событием, которое нередко становится кульминацией всего художественного действия. К таким текстам относятся комедия «Горе от ума» А.С. Грибоедова, роман в стихах «Евгений

Онегин» А.С. Пушкина, поэма Е.А. Баратынского «Бал», повести А.А. Бестужева-Марлинского, В.Ф. Одоевского, И.А. Гончарова, А.А. Перовского (А. Погорельского), В.А. Соллогуба, Е.П. Ростопчиной и др.

Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» по праву считается отечественным литературным шедевром XIX в., она является первым высокохудожественным произведением русской литературы, в котором описан дворянский бал. «Оно содержит в себе все инвариантные и основные варьирующиеся мотивы бального хронотопа, которые будут развиты в последующих “бальных” текстах», — пишет о комедии А.В. Леоновичус [10, с. 38].

С 2018 г. фонд культурного наследия А.С. Грибоедова (далее — фонд А.С. Грибоедова) осуществляет историко-культурные просветительские и образовательные программы, популяризирующие наследие классика русской литературы и дипломата А.С. Грибоедова. Среди многочисленных научных исследований, посвященных жизни и творчеству драматурга, советом фонда определялись авторитетные исследования, которые были взяты за основу реализуемых программ, — труды С.В. Шостаковича «Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова» (1960) [19], С.А. Фомичева «Александр Грибоедов. Биография» (2012) [20], а также литературно-документальная монография А.С. Черткова «А.С. Грибоедов. Начало. Персидская миссия 1818–1823 гг.» (2020) [21].

Своеобразной визитной карточкой сообщества грибоедовцев стало проведение Грибоедовских балов исторического танца. Площадками торжеств становились бальные пространства Института славянской культуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Москва), Объединения культурных центров ЦАО г. Москвы, библиотеки № 1 им. А.С. Грибоедова, Дома космонавтов Звездного городка, Центра подготовки космонавтов (Московская область) и др.

Основой бальной программы фонда является бессмертное произведение А.С. Грибоедова «Горе от ума». В среде любителей бальных торжеств сложился мифологемный образ А.С. Грибоедова как одного из ярких представителей дворянской культуры, завсегдаев литературных салонов и балов. Грибоедовские балы способствуют поддержанию интереса к этой стороне биографии драматурга.

Комедия А.С. Грибоедова, по сути, является полноправным участником бальных торжеств: участники и приглашенные артисты из ведущих столичных театров декламируют отрывки из произведения, разыгрывают сцены, исполняют классические оперные произведения, звучавшие в дворянских салонах в «грибоедовской» Москве.

Непременной изюминкой Грибоедовского бала являются специальные танцевальные

номера — грибоедовские вальсы в исполнении профессиональных хореографов и участников торжеств. Стандартная бальная программа выглядит следующим образом: I отделение: «полонез открытия», испанский вальс, падеграс, вальс Грибоедова (концертный номер фонда А.С. Грибоедова, проект «Культура мира»), московский менуэт, вальс-контрданс, аллеманда (концертный номер фонда А.С. Грибоедова, проект «Культура мира»), вальс-экосез, русская кадриль вальсом, вальс-мазурка, «Черная лошадка»*, кадриль «Летучая мышь»*, контрданс «вальс герцога Кентского»*; II отделение: московская кадриль, галопад*, берлинская полька, русский перепляс (проект «Культура мира»), краковяк «Заинька», «Триоле»*, «Вирджиния рил», «Кембриджский вальс»* (* — эталонные танцы, требующие предварительного изучения), падепатинер, полька «Тройка», шапелуаз, фламенко (проект «Культура мира»), падеспань, курская кадриль. Традиционный Грибоедовский бал соответствует критериям исторических танцевальных дворянских торжеств, описанных в работе А.В. Колесниковой «Бал в истории русской культуры» [9].

Оргкомитет Грибоедовского бала реализует этапы бального торжества, не следуя элементам бала, описанного в произведении, и не затрагивая доминантный мотив скандала, который свойствен сочинению А.С. Грибоедова. Смещение внимания в хронотопе бала с любовной на скандальную линию исследовано в статье А.В. Леоновича «Бал-скандал: “Горе от ума”, “Мертвые души”, “Двойник”». По мнению автора, «Горе от ума» создает «большое количество бальных прецедентов для всей русской литературы... Мотив скандала может присутствовать и с текстом других типов бала: в бале — любовной интриге или в бале — обличении нравов...» [22, с. 91]. Для современных грибоедовцев важно реализовать традиционный бальный ритуал как некое священнодействие, доставляющее его участникам подлинное эстетическое удовольствие.

Многогранная дипломатическая, литературная деятельность А.С. Грибоедова, его несомненные музыкальные, лингвистические таланты позволяют разнообразить бальную программу включением в нее исполнения грибоедовских вальсов, концертных номеров, отражающих культуру евразийских народов.

Программа Грибоедовского бала начинается задолго до самого танцевального действия. В его преддверии фонд А.С. Грибоедова устраивает литературно-поэтические вечера, посвященные творчеству поэтов-дипломатов XIX в., встречи с писателями и дипломатами, выставки документов и материалов «А.С. Грибоедов — дипломат и дра-

матург», проводит историко-приключенческие квесты «Грибоедов — Джеймс Бонд XXI века» и другие креативные активности [23; 24].

В день Грибоедовского бала подводятся итоги конкурса литературных произведений «Блажен, кто веры был блюститель», а в рекреационном пространстве располагается специальная выставка картин «Преданный вам А.С. Грибоедов», созданных московскими художниками творческого объединения «Мастерская 18».

Участниками историко-культурных просветительских, образовательных, бальных программ фонда А.С. Грибоедова являются учащиеся общеобразовательных школ (7–11 классов), изучающие творчество русских писателей, кадеты, воспитанники военных училищ, студенты, взрослое население (от 30 до 65 лет) — почитатели истории отечества, русской классической литературы XIX в., члены военно-исторических обществ, клубов реконструкторов, любители театральных танцевальных постановок, развивающие искусство бальных традиций.

Основываясь на опыте реализации бальных программ исторического танца, фонд А.С. Грибоедова также реализует проект проведения серии эталонных церемониальных Грибоедовских балов, которые способствуют формированию духовного мира участников, их эстетическому развитию, воспитанию нравственных ценностей, преемственности культурно-эстетических традиций.

Программа церемониальных грибоедовских торжеств состоит из комплекса балов: «Большой Грибоедовский бал», «Кадетский Грибоедовский бал», «Офицерский Грибоедовский бал», «Сретенский Грибоедовский бал». Уникальность проекта заключается в реализации особенного формата бальной программы — церемониального бала как своеобразного культурного явления в российской любительской танцевально-эстетической культуре. Грибоедовский бал отличает детальная регламентация танцевальной части программы, разработка этикета, максимально приближенного к лучшим образцам дворянской культуры XVIII — начала XIX века.

Реализация программы эталонных церемониальных балов является важным вкладом в развитие нравственно-эстетических предпочтений у учащихся и взрослой аудитории танцевального проекта, положительным образом сказывается на повышении уровня образованности и культуры вовлеченных в торжества различных социальных групп современного российского общества.

Грибоедовские бальные программы исторического танца дополняют палитру балов, которые проводятся различными объединениями любителей данных торжеств. Они соответствуют стили-

стике дворянской эпохи, светских салонов, описанных в художественных произведениях классиков русской литературы первой половины XIX в., обладают устойчивой структурой и выработанными ритуальными формами проведения. Балы в честь А.С. Грибоедова имеют церемониально-развлекательный контекст, привлекательный для современных последователей исторических хореографических традиций.

Культурное значение Грибоедовских балов заключается в расширении круга участников исторических танцевальных торжеств, стимулировании создания образовательных, воспитательных методик для обучения школьной, студенческой, взрослой аудиторий и формирования у них ценностных ориентиров, способствующих сохранению культурного наследия великого русского драматурга и дипломата, а также хореографического искусства бального танца. Грибоедовские бальные программы являются частью социального мифотворческого процесса, способствуют разнообразию досугово-образовательных форм современного социокультурного пространства, основанных на исторических культурных традициях.

Список источников

1. Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни. Т. 1—3. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Сушинского, 1879. Т. 1 : Очерк истории музыки в России в культурно-общественном отношении. [4], VIII, 359 с.
2. Шубинский С.Н. Первые балы в России // Исторические очерки и рассказы. Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1911. С. 52—64.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Прогресс : Универс, 1994. Т. 1. 912 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва : ОНИКС 21 век, 2005. 896 с.
5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. Москва : Дом славянской книги, 2009. 959 с.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). [2-е изд.]. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2008. 412 с.
7. Захарова О.Ю. Русский бал XVIII — начала XX века: танцы, костюмы, символика. Москва : Центрполиграф, 2010. 293 с.
8. Ефремова И.В. Бал в контексте теоретического осмысления // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (43). С. 19—25.
9. Колесникова А.В. Бал в истории русской культуры : дис. ... канд. культурологии. Санкт-Петербург, 1999. 286 с.
10. Леоновичус А.В. Хронотоп бала в русской литературе (к истокам традиции) // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). С. 32—46.
11. Антонова Е.Л., Туркина В.Г. Бал как образ жизни русского дворянства // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55—56. С. 89—97.
12. Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. Москва : Высшая школа, 2008. 766 с.
13. Никитина Е.А. Бал как культурная практика // Человек в мире культуры. 2012. № 2. С. 50—53.
14. Алякринская М.А. Танец как элемент государственной политики в русской культуре первой половины XVIII века // Управленческое консультирование. 2012. № 1. С. 203—212.
15. Ефремова И.В. Бал как полифункциональное социокультурное явление // Культура. Наука. Творчество : сборник научных статей. Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2018. С. 229—233.
16. Ульяновский А.В. Пролегомены социальной мифологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7, № 21-1. С. 137—150.
17. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. Санкт-Петербург : Питер, 2005. 539 с.
18. Сосновская А.М., Маслеева В.В. Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2018. № 4. С. 172—181. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-172-181.
19. Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. Москва : Соцэкгиз, 1960. 294 с.
20. Фомичев С.А. Александр Грибоедов. Биография. Санкт-Петербург : Вита Нова. 2012. 511 с.
21. Чертков А.С. А.С. Грибоедов. Начало. Персидская миссия 1818—1823 гг. Якутск : Якутия, 2020. 409 с.
22. Леоновичус А.В. Бал-скандал: «Горе от ума», «Мертвые души», «Двойник» // Новый филологический вестник. 2013. № 3 (26). С. 88—101.
23. Чертков А.С. Литературно-дипломатический эксплораториум «А.С. Грибоедов» как форма реализации научно-образовательных программ // Образовательные ресурсы и технологии. 2023. № 1 (42). С. 15—20. DOI: 10.21777/2500-2112-2023-1-15-20.
24. Чертков А.С. Игровые технологии в преподавании гуманитарных дисциплин: грибоедовский квесторий // Образовательные ресурсы и технологии. 2022. № 4 (41). С. 59—64. DOI: 10.21777/2500-2112-2022-4-59-64.

Griboyedov's Ball in the System of Historical Ballroom Dancing Traditions

Alexey S. Chertkov

Moscow University named after S.Yu. Witte,
12/1 2nd Kozhukhovskiy proezd, Moscow,
115432, Russia
ORCID 0009-0004-9990-2887;
SPIN 8179-3764;
alexchertkov@list.ru

Abstract. *The article deals with the ballroom dance practice peculiar to the culture of Russian society of the early 18th–19th century. Ball tradition is a “polyfunctional sociocultural phenomenon”, realizing important functions of culture, activating the process of aesthetic and ethical education of a personality involved in historical ball events. Historical ball culture is one of the forms of sociocultural practice of the nobility, which participated in dance celebrations according to the established ball structure, having a ceremonial form and its own aesthetic stylistics. One of the main motives for the fascination with balls was the aspiration of a part of the educated nobility for its own socialization within the estate. The period of flourishing of the ballroom dancing tradition fell on the second half of the 18th — first half of the 19th century. After the Imperial Court Ball in 1904 in the Winter Palace of St. Petersburg, the tradition of this type of festivities was interrupted. In the 1980s and early 1990s, through the efforts of enthusiastic constructors, ballroom dance programmes began to revive. In modern Russia, the institute of historical ballroom dancing clubs has been formed, and an institutional environment of entities engaged in the study and promotion of historical ballroom traditions is gradually forming.*

Ballroom culture is characterized by a whole range of developmental functions that contribute to the formation of a socially adapted personality. The author proposes to supplement the communicative and marketing group of functions, inherent in the revival of historical ballroom traditions, with the function of social mythologization. To prove this thesis, the author defines the properties of ball culture as a social myth, which possesses rationality (consciousness), conceptual development (ceremoniality), aesthetic orientation, the presence of intension, communication, presentation or marketing purposes of the groups of people involved in it.

The symbolic experience of re-enactors in recreating historical dances is largely mythologemic in nature, appealing to some of today's youth and adults. Passionate about ballroom culture under the guidance of experienced choreographers, they create memorable aesthetic ballroom symbols, involving patrons and supporters in the process. Gri-

boyedov's historical ballroom dance programmes are part of the institutional environment considered in this article, correspond to the style of the noble era, have a ceremonial and entertaining context and contribute to the promotion of the cultural heritage of the great Russian playwright and diplomat A.S. Griboyedov.

Key words: ball traditions, noble culture, historical dances, A.S. Griboyedov, “Woe from Wit”, Griboyedov's ball, social mythologization, historical reconstructions, sociocultural phenomenon, ball etiquette.

Citation: Chertkov A.S. Griboyedov's Ball in the System of Historical Ballroom Dancing Traditions, *Observatory of Culture*, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 102–111. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-1-102-111.

References

1. Mikhnevich V.O. *Istoricheskie ehtyudy russkoi zhizni. T. 1–3* [Historical Etudes of Russian Life. Volume 1–3]. St. Petersburg, Tip. F. Sushchinskogo, 1879, vol. 1, Essays on the History of Music in Russia in Cultural and Social Terms, VIII, 359 p.
2. Shubinsky S.N. The First Balls in Russia, *Istoricheskie ocherki i rasskazy* [Historical Essays and Stories]. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1911, pp. 52–64 (in Russ.).
3. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Moscow, Progress Publ., Univ. Publ., 1994, vol. 1, 912 p.
4. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, ONIKS 21 Vek Publ., 2005, 896 p.
5. Ushakov D.N. *Bol'shoi tolkovyy slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language: current edition]. Moscow, Dom Slavyanskoi Knigi Publ., 2009, 959 p.
6. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoi kul'ture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations About Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th — Beginning of the 19th Century)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2008, 412 p.
7. Zakharova O.Yu. *Russkii bal XVIII — nachala XX veka: tantsy, kostyummy, simvolika* [Russian Ball of the 18th — Early 20th Century: Dances, Costumes, Symbolism]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2010, 293 p.
8. Efremova I.V. Ball in the Context of Theoretical Understanding, *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts], 2022, no. 1 (43), pp. 19–25 (in Russ.).
9. Kolesnikova A.V. *Bal v istorii russkoi kul'tury* [Ball in the History of Russian Culture], Cand. cult. sci. diss. St. Petersburg, 1999, 286 p.
10. Leonavichus A.V. Chronotope of a Ball in Russian Literature (Revisiting the Origins of the Tradition), *Novyi filo-*

- logicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2015, no. 4 (35), pp. 32–46 (in Russ.).
11. Antonova E.L., Turkina V.G. Ball as a Way of Life of the Russian Nobility, *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 2019, no. 55–56, pp. 89–97 (in Russ.).
12. Belovinsky L.V. *Kul'tura russkoi povsednevnosti* [Culture of Russian Everyday Life]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2008, 766 p.
13. Nikitina E.A. Ball as a Cultural Practice, *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the World of Culture], 2012, no. 2, pp. 50–53 (in Russ.).
14. Alyakrinskaya M.A. Dance as an Element of Russian State Cultural Policy in the First Half of the 18th Century, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2012, no. 1, pp. 203–212 (in Russ.).
15. Efremova I.V. Ball as a Polyfunctional Socio-Cultural Phenomenon, *Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo: sbornik nauchnykh statei* [Culture. Science. Arts: collected articles]. Minsk, Belorusskii Gosudarstvennyi Universitet Kul'tury i Iskusstv Publ., 2018, pp. 229–233 (in Russ.).
16. Ulianovski A.V. Prolegomena of Social Mythology, *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2006, vol. 7, no. 21–1, pp. 137–150 (in Russ.).
17. Ulianovski A.V. *Mifodizain: kommercheskie i sotsial'nye mify* [Mythodesign: Commercial and Social Myths]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 539 p.
18. Sosnovskaya A.M., Masleeva V.V. Economy of Impressions: Reconstruction of Historical Practices of the Cultural Heritage of St. Petersburg, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2018, no. 4, pp. 172–181. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-172-181 (in Russ.).
19. Shostakovich S.V. *Diplomaticheskaya deyatel'nost' A.S. Griboedova* [Diplomatic Activity of A.S. Griboyedov]. Moscow, Sotsehgiz Publ., 1960, 294 p.
20. Fomichev S.A. *Alexander Griboyedov. Biography*. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 511 p. (in Russ.).
21. Chertkov A.S. *A.S. Griboedov. Nachalo. Persidskaya missiya 1818–1823 gg.* [A.S. Griboyedov. Beginning. Persian Mission 1818–1823]. Yakutsk, Yakutiya Publ., 2020, 409 p.
22. Leonavichus A.V. A Ball-Scandal: Woe from Wit, Dead Souls, the Double, *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2013, no. 3 (26), pp. 88–101 (in Russ.).
23. Chertkov A.S. Literary and Diplomatic Exploratorium “A.S. Griboyedov” as a Form of Implementation of Scientific and Educational Programs, *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii* [Educational Resources and Technologies] 2023, no. 1 (42), pp. 15–20. DOI: 10.21777/2500-2112-2023-1-15-20 (in Russ.).
24. Chertkov A.S. Game Technologies in Teaching Humanitarian Disciplines: Griboedovsk Questorium, *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii* [Educational Resources and Technologies], 2022, no. 4 (41), pp. 59–64. DOI: 10.21777/2500-2112-2022-4-59-64 (in Russ.).

Информация о замеченных опечатках

В журнале «Обсерватория культуры», т. 20, № 4 за 2023 г.
в статье Е.Р. Сквайрс «Альбом инкунабул Конрада Геблера в библиотеках Москвы» (с. 396–406)

допущены следующие опечатки:

Страница	Колонка, абзац, строка	Напечатано	Следует читать
401	Левая колонка, первый абзац, последняя строка	1495	1497
402	Левая колонка, подрисуночная подпись (рис. 4), 1–4 строки	Ranulphus Higden. Polychronicon / transl. John Trevisa, ed. with a continuation 1358–1460 by William Caxton. Westminster : Wynkyn de Worde, 13 April 1495	Chronicles of England. Westminster : Wynkyn de Worde, 1497
403	Правая колонка, подрисуночная подпись (рис. 5), 1–3 строки		
404	Левая колонка, подрисуночная подпись (рис. 6), 1–4 строки		